

Щетина мужчины колола ему лицо, но красавец с наслаждением откинул голову, позволяя шаньюю целовать шею и грудь, извиваясь и поднимая бёдра навстречу члену, что вершил его наслаждение. В ту ночь красавец снова был доведён до недержания. Шаньюю, прижимая его к себе, излил в него обильные потоки семени. Его собственный член, измученный долгим соитием, не мог извергнуть больше ничего, и он, дрожа, обмочился. Тело шаньюю стало мокрым от его нечистот, и тот, раздражённо шлёпнув его по мягкому месту, проворчал:

— Маленькая развратница.

Красавец уже не помнил себя, его длинные волосы спутались вокруг него и шаньюю, но он всё ещё жадно ловил ртом его губы. Мужчина не переставал целовать его, не переставал входить в него, а затем, держа за ягодицы, отнёс к задней части шатра и на глазах у слуг принялся мыть, не прекращая движений. Его Яньчжи любила чистоту — уснёшь в нечистотах, опять расплачешься.

Ко сну постелили новую соболью шкуру. Шаньюю крепко обнял его, наконец погасив яркий свет. Тени на стенах шатра исчезли. Красавец немного пришёл в себя и почувствовал, как волосатая рука шаньюю мертвой хваткой впилась в его талию — было неудобно. Он попытался тихонько перевернуться, но мужчина навалился на него со спины, потрогал его ягодицы и снова ввёл член в его влажную щёлочку.

— Ах...

Красавец хрипло простонал. Его уже распухшая щёлочка вновь приняла в себя мужское достоинство, и он, испытывая смесь боли и наслаждения, судорожно сжался. Шаньюю, слегка запыхавшись, сделал пару толчков, обнял его и заснул. Несчастный красавец, измученный желанием за всю ночь, даже во сне видел, как уродливый хунну овладевает им, как лижет его тело. А когда в полудрёме открыл глаза, то увидел, что уродливый хунну этот — третий принц Иэрдань.

Красавец в ужасе распахнул глаза, осознав, что это был сон. Дневной свет падал сквозь верх шатра, его тело было укрыто лисьим мехом, но за спиной было пусто — шаньюю уже ушёл. Красавец лежал обнажённый, размякший и бессильный, ягодицы ныли, всё тело ломило. После прошлой ночи он снова чувствовал желание, постоянное, непрекращающееся желание — половое утешение притупляло чувства, облегчая муку от того, что он оказался здесь. Его лоно было вымыто шаньюем прошлой ночью, но после того как он проспал с членом внутри, там вновь стало липко и влажно, и ощущение инородного тела не давало покоя. Красавец вновь возжелал нефритовый дилдо, что сделал для него брат. Его распутная щёлочка жаждала быть наполненной всегда.

Так было и в ханьском дворце: его тело питали лекарственные ванны, оба входа лелеяли нефритовые стержни, иначе от ежедневных игр они бы уже испортились. Красавец лежал ничком, думая о брате, длинные чёрные волосы растрёпанно струились по спине. Встать не хотелось, не хотелось надевать одежду кочевников, не хотелось видеть великого шаньюю.

Нежное тело вновь обняли, и лёгкий аромат благовоний донёсся откуда-то сзади. Красавец, лежавший ничком, внезапно открыл глаза, а пальцы его медленно поползли к кинжалу, спрятанному под боком. Юноша, опьянённый его запахом, едва успел приблизить горячие губы к шее красавца, как тот изо всех сил оттолкнул его, перевернулся и, дрожа, поднял кинжал, приставив остриё к груди навязчивого гостя.

Толстая волчья шкура на груди Иэрданя была прорезана острым лезвием. Бледный, он смотрел

на Яньчжи. Лисья шкурка соскользнула, обнажив нежные груди, что слегка вздрагивали в холодном воздухе. Иэрдань, не думая о смерти, пожирал её глазами: всё её тело было покрыто красно-синими следами от щипков и поцелуев — отметинами, оставленными его отцом. Красавец, не замечая, что его рассматривают, всё ещё пребывал в азарте пойманного с поличным вора и, раскрыв рот, собрался закричать, как вдруг запястье его с силой отбросили, и кинжал бесшумно упал на ковёр.

Красавец не успел издать звук — всё произошло в мгновение ока. Юноша, проворный, как волчонок, тут же зажал ему рот ладонью, обхватил и, кубарем, перекатился с ним в самую глубь шатра.

Там лежала одежда красавца, сваленная в кучу с мехами — мягко, темно. Иэрдань прижал его к себе, исступлённо целуя, ладонь мёртвой хваткой вжалась в рот, так что красавец едва не задохнулся. Юноша прижимал его, словно трепыхающуюся рыбу, обеими руками зажимая рот, а губы и подбородок метались между грудью и шейной впадиной. Он слишком любил его. Юный принц, чьё сердце впервые открылось любви, провёл всю ночь, наблюдая живую картину, и в голове его рисовалось, как бы он сам целовал и лелеял свою Яньчжи. Иэрдань облизал почти всю верхнюю часть его тела, особенно сосочки — те, что уже были распухшими от отца, а теперь ещё и ободраны его прикосновениями. Когда он немного успокоился, то почувствовал, как прекрасная Яньчжи дрожит под ним, зубы её впились ему в ладонь, а глаза застилали слёзы.

Иэрдань, словно не чувствуя боли, осторожно отпустил его и увидел, как Яньчжи, с полуоткрытым ртом, застыла в оцепенении, тело её коченело от страха. Иэрдань, глядя на её чистое, прекрасное лицо, с почти безумной страстью приник к её губам, а его тело, закутанное в толстую волчью шкуру, принялось медленно тереться о неё.

Спустя некоторое время красавец почувствовал, как тело юноши вздрогнуло, а затем тот, обняв его, блаженно вздохнул. Мальчик всё ещё крепко держал его, носом вдыхая аромат его волос, и прошептал, запыхавшись:

— Яньчжи, ты так прекрасна.

Красавец наконец пришёл в себя и с отвращением принялся пинать его. Мальчик снова поймал его губы, целуя беспорядочно и страстно, не обращая внимания на кровь, что сочилась из его прокушенного языка, пока не услышал шаги у входа в шатёр. Тогда он оттолкнул красавца и исчез, словно ветер.

Вошедшим был шаньюй. Утро было в разгаре, и он сам пришёл будить свою Яньчжи. Свадьба окончена, многие гости собирались уезжать, и Яньчжи надлежало провожать их вместе с ним.

Шаньюй, войдя, не увидел Яньчжи на ложе, не было её и у умывальня в глубине шатра. Сердце его сжалось от страха, что его Яньчжи снова сбежала, как вдруг он услышал сдавленные всхлипы из угла.

Шаньюй пошёл на звук и нашёл красавца, свернувшегося клубком в гряде мехов, сжимающего в руках лисью шкуру и вновь заливающегося слезами. Шаньюй, недовольный, подошёл, вытер слёзы и рявкнул:

— Опять капризничаешь!

Каждый день слёзы ему показывает, разве быть его главной женой — такое несчастье? Красавец, оглушённый его окриком, вспомнил вчерашнюю пощёчину и тут же смолк, закусив

губу. Слёзы градом катились по щекам, вид был до того жалок, что тронул бы каменное сердце. Шаньюй, нахмурясь, поцеловал его в глаза и сказал чуть мягче:

— Вставай, пойдём провожать гостей.

Красавец, прижимая к себе лисью шкуру, не двигался. Шаньюй смотрел на него, хмурясь, и вздохнул:

— И в ханьском дворце ты так поздно вставал?

Красавец отвернулся, думая о брате, и не ответил. Шаньюй, в конце концов, сжалился над ним — у него и самому была шестилетняя дочурка, такая же изнеженная, но послушная, не то что эта Яньчжи, что каждый день его сердит. В свои зрелые годы шаньюй неудержимо погружался в пучину любви, и даже его приближённые напоминали ему не увлекаться красотой. Хунну и династия Хань заключили перемирие, и для обеих сторон наступила краткая передышка. Но на обеих сторонах хватало жаждущих войны. Несколько вождей крупных племён, подвластных шаньюю, были недовольны этим браком ради мира и глубоко порицали его привязанность к Яньчжи.

Хунну и Хань с перерывами воевали более двадцати лет, с тех пор как Ивэйсе объединил великую степь, и пламя войны почти не угасало. Война приносила страдания народу, а хунну, в отличие от Хань, и в хозяйстве были отсталыми. Ивэйсе не желал больше воевать, хотел дать народу оправиться.

Этот брак ради мира был хорошим случаем. Вдовствующая императрица Хань проявила решимость, выдав за него любимого младшего брата императора. Ивэйсе же всей душой привязался к прекрасной Яньчжи. Ханьский император же обещал расширить торговлю, разрешив хунну и ханьцам торговать между собой.

Красавец понимал всё это смутно, и хотя знал, что миссия его важна, продолжал капризничать и своевольничать. Ему следовало быть добродетельным, кротким и послушным, расположить к себе сердце шаньюя. Но при одном виде этого грубого уродливого хунну всё его расположение духа улетучивалось. Ночью он жаждал шаньюя, а с рассветом тут же отворачивался, терзая его сердце.

<http://bllate.org/book/16253/1461944>